

А. С. Пученков

«Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 г.

В 1920 г. Польша сыграла огромную роль в продолжающейся русской гражданской войне. Речь идет о советско-польской войне 1920 г., инициатором которой выступила именно Польша, а большевики, по словам Л. Д. Троцкого, «всеми силами хотели избежать этой войны»¹. Лидер большевиков В. И. Ленин в свою очередь говорил о том, что войну навязали советской России «польские помещики и капиталисты под давлением и натиском капиталистических стран Западной Европы, и не одной только Западной Европы...»² С легкой руки И. В. Сталина советско-польская война стала рассматриваться как очередной поход Антанты на советскую Россию, третий по счету³, а советский историк, военспец Н. Е. Какурин утверждал, что война «Советской России и панской Польши — это первое в истории столкновение в международном масштабе политики пролетарского и капиталистического государств...»⁴

Польская сторона тоже немало потрудились для создания своей истории советско-польской войны. Война эта была, по утверждению современного польского историка С. Ячинского, «первая крупная за почти 250 лет победа польского оружия. Это победа, которая повлияла на дальнейшую судьбу Польши и Европы»⁵. В своих воспоминаниях Начальник Польского государства Ю. Пилсудский писал о том, что «Исход борьбы решил одновременно на известное время и судьбы миллионов человеческих существ, которые были тогда представлены сражающимися на этом огромном пространстве армиями и их командующими...»⁶ Советско-польская война, по словам Ю. Пилсудского, «непосредственно встряхнула судьбами двух государств, насчитывающих вместе 150 миллионов населения. Хочу только сказать, что эта война или драка едва не встряхнула судьбами всего цивилизованного мира и что ее кризис был кризисом миллионов и миллионов людских существ, а дело победы на долгое, дай Бог, время создало уже исторические основы для обоих воюющих государств. Итак, пусть будет дра-

Пученков Александр Сергеевич,
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
электротехнический
университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова
(Ленина)
(Санкт-Петербург)

ка, если нельзя подыскать для нее ни методов, ни доктрин»⁷. В свою очередь, оппонент Пилсудского, социалист Ю. Мархлевский, председатель временного польского революционного комитета, возникшего с согласия РКП(б) в момент вступления Красной Армии в Польшу с целью «содействия польским рабочим и крестьянам в проведении советской системы», утверждал, что «поход на Варшаву был следствием контрреволюционных и захватнических планов польской политики, а не результатом стремления к “насаждению коммунизма посредством русских штыков”. Советская Россия жаждала мира, стремилась к нему, добивалась его...»⁸

Предвосхищая вторжение поляков, талантливый публицист Карл Радек, предупреждая противника, выражал уверенность в том, что нападение польской армии «пробудит чувство национального самосохранения», а советское правительство в этом случае «сможет опереться не только на советский патриотизм трудовых масс, но и на национальное чувство непролетарских слоев». В своей статье Радек говорил о том, что «когда-нибудь грохот пушек Красной армии под Варшавой может подсказать господам польским буржуа, что они очень жестоко ошибались»⁹. Схожим образом рассуждал и Ленин: вождь большевиков обещал дать полякам в пределах России такой урок, который последние не забудут никогда¹⁰, «отпором» грозил «пилсудчикам» и «любимец партии» Николай Бухарин¹¹.

По словам главного оппонента Пилсудского в советско-польской войне, будущего Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, «выступление Польши застало нас в сравнительно благоприятной для нас обстановке. Если бы только Польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга “Единая, неделимая великая Россия”, то наступление Деникина Москву, поддержанное польским наступлением с запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции, и Красной армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчилась ее задача. В общем, к весне 1920 года мы имели возможность почти все наши вооруженные силы перебросить на западный фронт и вступить в жестокую борьбу с армиями белополяков»¹².

Итак, вторжение поляков в советскую Россию все же состоялось. Наступление Пилсудского развивалось стремительно, что вызывало серьезнейшую обеспокоенность большевистского руководства. Советские лидеры начали настоящую пропагандистскую кампанию против Польши. Особенность большевистской агитации по этому вопросу проявилась в том, что в качестве врага выставлялась польская буржуазия, в то время как рядовые представители польского народа изображались жертвами агрессивных устремлений политиканов-авантюристов. В частности, Радек писал о том, что «Пилсудский, главарь польских социал-патриотов, сорвал с лица своего маску миротворца и принуждает польскую бедноту и польских рабочих воевать против Советской России, идти против украинских крестьян и рабочих, он объявил войну не только Советской России, он объявил войну польскому ра-

бочему классу. Исход этой войны решится не только под Березиной, Двиной и Вислой, но и на улицах Варшавы, Лодзи и Домброва». По словам Радека, «Уничтожив польских панов, Советская Россия отдает в руки польских рабочих решение вопроса о том, в каких они захотят жить отношениях с Советской Россией. Идя в бой против польских помещиков, советская Россия не имеет никакой другой программы, кроме уничтожения паразитов, которые, не довольствуясь эксплуатацией польских рабочих, подняли руку против Советской России. Когда Советская Россия справится с этими авантюристами контрреволюции, между польским и русским народом не будет никаких спорных территориальных или экономических вопросов, для них будут существовать только вопросы о том, как можно наиболее целесообразно начать общими силами строить новую жизнь во благо польского и русского рабочего класса»¹³. Известный большевик Г. Сокольников говорил об ошибке в расчетах Пилсудского, и пророчил «катастрофу авантюристического похода» Маршала, которая приведет к тому, что придет «час торжества польских рабочих и крестьян», а красное знамя коммунистической революции будет реять над Варшавой¹⁴. Сокольников сформулировал и программный тезис: война с Польшей представляет собой начало «внешнего этапа гражданской войны», классовой по своей сути, являющейся закономерным следствием победы революции во внутренней гражданской войне¹⁵.

Вступление поляков в Киев ознаменовалось бесчинствами и грабежами мирного населения, вызвавшими повсеместное возмущение и спровоцировавшими антипольские настроения. Лидер московских коммунистов Л. Б. Каменев писал в те дни, припомнив даже известные стихи А. С. Пушкина: «Гибнущая панская Польша в Киеве подписала себе ужасный приговор. Она уходит в историю, клейменная именами грабителя, мародера и палача женщин и детей. В Киеве она предсказала свой собственный путь... Пусть знает вожак грабителей и палачей Польши пан Пилсудский, что к нему русские и польские коммунисты применят жестокие и обрекающие слова:

Самовластительный злодей, тебя,
Твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей,
Я с злобной радостью увижу»¹⁶.

В свою очередь, руководитель петроградских коммунистов Г. Зиновьев утверждал, что клич «Смерть польским панам и Петлюре!» скоро будет услышан «на берегах Сены и на берегах Темзы»¹⁷.

Наступление поляков обусловило и известное воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», подписанное популярными генералами А. А. Брусиловым, А. М. Зайончковским, А. А. Поливановым¹⁸. Отнюдь не симпатизировавший боль-

шевикам, Брусилов не мог понять того, как «русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками... Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная Армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути»¹⁹. Брусилов, да и не только он, в те дни думали, что Красная армия на глазах у всей страны превращается в *Русскую армию* (курсив автора. — А. П.), в общенациональную, государственническую силу. На белом Юге Брусилова не поняли, думая, что престарелый генерал «куплен большевиками». Развитием обращения Брусилова стал декрет Совета Народных Комиссаров от 2 июня 1920 г. «Об освобождении от ответственности всех белогвардейских офицеров, которые помогут в войне с Польшей и Врангелем». В нем указывалось, что «все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий»²⁰.

После взятия Киева, по словам Л. Д. Троцкого, «страна встряхнулась»²¹. Началась волна успехов Красной Армии, которая сумела вернуть Киев. Серьезную роль в прорыве польского фронта сыграла легендарная Первая Конная армия, причем в сталинское время разработка замысла наступления армии С. М. Буденного, как и полагается, была отнесена на счет «вождя всех народов»²², а сам Семен Михайлович даже годы спустя писал об «ошеломительных» успехах красной конницы «в первый период войны»²³. В своих же известных воспоминаниях Буденный писал о том, что в польской армии в период успехов Первой Конной «царили... уныние и растерянность»²⁴. Однако, как вспоминал Троцкий, «вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами (большевиками. — А. П.) возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную революционную войну»²⁵. Так, например, Л. Б. Каменев призывал в те дни к войне до победного конца, утверждая, что «теперь действительно настал такой час, что или мы всех своих врагов возьмем за горло и пригнем к земле, или мы сдадим, и тогда они получают возможность в течение нескольких месяцев издеваться над нами и пытаться возбудить какое-нибудь новое движение каких-нибудь новых Колчаков и Деникиных... ни на минуту не ослаблять внимания. Будем помнить, что на польском фронте решается все международное положение... будем идти вперед и иметь своим лозунгом: "Коленом на грудь польскому панству и да здравствует мировая социалистическая революция"»²⁶. Вторил Каменеву Г. В. Чичерин, заявивший о том, что вся Центральная Европа стоит накануне новых крупных событий, внешняя политика советской республики «все более сливается с мировой борьбой между революцией и старым миром»²⁷.

Наступление большевиков развивалось, казалось, неудержимо, что вызвало в Европе состояние, близкое к панике. По словам У. Черчилля, «Из неизвестного будущего, казалось,

двигались бесчисленные новые опасности... Всякая военная интервенция была невозможна. Ничего не оставалось, кроме слов и бессильных жестов... Казалось, что Польша освободилась от своей полуторавековой неволи у трех военных империй только для того, чтобы оказаться под ярмом коммунизма»²⁸. По признанию польских историков, в тот момент существование молодого государства было поставлено под угрозу²⁹. Знаменитый художник-карикатурист Борис Ефимов уже заготовил огромный плакат «Красными героями взята Варшава»³⁰, слух о взятии Варшавы достиг и Петрограда³¹, однако падения польской столицы не произошло: рискованно задуманная Варшавская операция, «всецело построенная на непрерывном натиске», не удалась, в том числе и из-за изнуренности войск³². РККА была разгромлена и отброшена далеко от Варшавы, Ленин не стесняясь говорил о «громдном поражении» Красной Армии³³, а в среде красноармейцев заговорили о том, что «Не видно конца войны»³⁴. В свою очередь, национально настроенная эмиграция резко негативно восприняла разгром большевиков и возможность повторного вторжения польской армии в пределы советского государства. Так, автор известных стихотворных куплетов эмигрант В. П. Мятлев писал в те дни:

Пусть лях цела твоя Варшава!
Ни шагу дальше! И внемли.
Жива Российская Держава
Она воспрянет и как лава
Тебя сметет с лица земли!...
Опомнись Лях. Ни шагу больше!
Чтоб Запад гаснувший спасти
С востока должен свет придти!
Жива Россия! И не Польше
Ей преуказывать пути!!³⁵

В советском руководстве в первую очередь переоценили революционность польских рабочих. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич, один из создателей иконописного образа советского лидера, писал о том, что Ленин шел на войну с Польшей с «большой неохотой», предвидя «возможность военного неуспеха» и то, что «самый факт войны может подогреть квасной патриотизм и в Польше, и в России...»³⁶ Троцкий, правда, утверждал обратное: по его словам, Ленин истово верил в подготовленность польского пролетариата к революции извне³⁷. «Главным инициатором похода был Ленин», — писал Троцкий, добавляя, что «Его (В. И. Ленина. — А. Л.) поддерживали против меня Зиновьев, Сталин и даже осторожный Каменев»³⁸. Не склонный признавать собственные заблуждения Троцкий, видимо, лишь задним числом пытался показать свой скепсис и решительное про-

тивоедействие походу, на деле же, представляется, и он считал необходимым довести красные войска до Варшавы. В приказе по войскам председателя Реввоенсовета от 14 августа 1920 г. звучал призыв: «Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву! Да здравствует победа! Да здравствует независимая и братская Польша!»³⁹

Со стороны большевиков велась агитационная кампания, направленная на то, чтобы укрепить поляков в мысли о том, что их освобождают от панского засилья⁴⁰. Агитаторы стремились показать, что рядовой поляк — не враг Красной Армии, которая борется лишь с классово чуждыми большевикам элементами и несет полякам социальную справедливость. Яркое это настроение выражено в частушке известного советского поэта Демьяна Бедного:

«Ой ты, яблочко,
Куда катишься?
Вражий пан, за грехи
Ты расплатишься!
...
Дали взбучку мы вам
Не напрасную,
Стройте ж, братцы, скорей
Польшу Красную!»⁴¹

В другой своей частушке:

«Братья наши, польские крестьяне!
Мы даем вам клятву заранее:
Как только вы панскому племени
Дадите дубиною крепкой по темени.
Известите нас братски об этом,
Мы ответит вам братским приветом!
Мы поможем вам всем, что вы только ни спросите,
Когда с шеи вы сволочь шляхетскую сбросите,
Злую панскую сволочь, которой
Вы так долго служили опорой.
И панов поддержавши в их подлой борьбе,
Тем готовили гибель и нам, и себе!»⁴²

Еще раньше в красноармейской среде возник стихийный лозунг «Даешь Варшаву!»⁴³, уже сами бойцы желали «наказать поляков за их дерзость», ходили слухи, что в Польше вот-вот начнется революция⁴⁴. «Известинец» Ю. Стеклов писал в своей газете о том, что панская Польша вот-вот погибнет, ее не «спасти ни силой, ни хитростью. История уже произнесла свой приговор»⁴⁵. Даже сдержанный в оценках Б. М. Шапошников утверждал, что «Внутреннее состояние самой Польши также обрисовывалось, как готовое обратиться в революцию, особенно с взятием Варшавы»⁴⁶.

Комдив В. Путна признавал то, что в оценке внутренней готовности Польши к революции был допущен «политический просчет»⁴⁷. Большевики, по словам Путны, «несколько недооценили степень национального шовинизма, захватившего широкие слои городского и деревенского населения Польши после возрождения ее в самостоятельное государство»⁴⁸.

Действительно, вторжение Красной Армии в Польшу встретило массовый патриотический подъем со стороны поляков. Велась активная пропагандистская работа, польская пресса, разжигая ненависть к противнику, в красках описывала якобы допускавшиеся Красной Армией зверства в отношении пленных и мирного населения на занятых территориях. Афишные тумбы и стены домов были заклеены плакатами с призывами «Бей большевиков!» с красочными, почти лубочными изображениями прекрасных, мужественных поляков и диких азиатских варваров⁴⁹. Понятие «большевик», по словам Пилсудского, «получило у нас (поляков. — А. П.) оттенок пренебрежения и оскорбительности»⁵⁰.

Советская Россия вступила в войну под классовыми знаменами, а Польша — под национальными. Как следствие, обе стороны — красные и поляки — разыгрывали свою козырную карту; если для большевиков таковой была борьба с эксплуататорскими классами — панами, то для поляков — русофобия и антисемитизм. Пропаганда красных представляла войну как борьбу с «польскими панями», которых изображали со злобным выражением лица, огромным пузом, с конфедераткой на голове, в жупане, с оружием в руках и огромными усами⁵¹. В свою очередь польская пропаганда высмеивала азиатские черты лица Ленина, вновь раскручивалась идея о большевизме как порождении германизма, чуждом русскому народу. Значительное место в польской пропаганде занимала также тема антисемитизма, активно эксплуатировалась тема «жидокоммуны»⁵². Троцкий в беседе с представителем советской печати уверенно заявил о том, что со стороны Антанты «польская война является лишь новой попыткой, эпизодом в империалистической борьбе с Советской Россией. И если эта попытка сорвется, мировые заправилы перешагнут через политический труп Пилсудского, как они перешагнули через физический труп Колчака, и перейдут к новым приемам и новым орудиям. Со стороны же самой Польши война имеет ярко бонапартистский характер, хотя это — бонапартизм третьего сорта, карикатурный, слабосильный, беллетристический, сочетающий романтику с мелким плутовством — словом... Пилсудский»⁵³.

18 августа 1920 г. Пилсудский как Начальник государства обратился к населению с «гуманным» призывом не дать уйти с польской земли ни одному оставшемуся в окружении красноармейцу⁵⁴. Накануне решающего сражения за Варшаву один из правых публицистов написал, что Польшу при таком Главнокомандующем, как Пилсудский, подвергавшемся в те дни ожесточенной критике внутри страны, может спасти только Провидение и чудо. Этим определением правые широко пользовались после успешного завершения операции, поскольку оно позволяло не связывать победу с именем Юзефа Пилсудского. Со временем политический подтекст затерялся, а термин остался, причем им пользовались и пилсудчики⁵⁵. Пилсудский же, в свою очередь, после «чуда на Висле» стал раскручивать легенду о том, что Давид победил Голиафа, убеждая поляков в своем решающем вкладе в победу⁵⁶. Причем формально Пилсудский был прав: он был Главнокомандующим⁵⁷. По словам Черчилля, «Чудо на Висле, только с некоторыми изменениями, было повторением чуда на Марне»⁵⁸.

Военное поражение Красной Армии вызвало в советской России желание объяснить его. Каждый из военных, по давней традиции, пытался свалить всю вину на своих незадачливых коллег: например, комкор 3-го Конного корпуса Г. Гай на командарма-4 А. Д. Шуваева и т. д.⁵⁹; писали о «вредительских приказах» Троцкого, но было и еще более распространенное объяснение... Связано оно было с существованием врангелевского фронта, или «крымской занозы», как именовали ее в советской печати⁶⁰. Ленин говорил: «Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать окраинной, потому что линия Пилсудского проходила не в очень далеком расстоянии от Москвы»⁶¹. Вследствие самого факта существования Русской армии «черного барона», Юго-Западный фронт, по словам известного военного теоретика А. Свечина, был поставлен в условия «погони сразу за двумя зайцами»⁶². По утверждению Свечина, «Польша в 1920 г. являлась более серьезным противником, чем Врангель. С точки зрения сокрушения, правильным являлось направление важнейших усилий против Варшавы. Действительно, с советизацией Польши, с расширением революции в европейском масштабе не растаял бы Врангель сам собой, безо всяких усилий со стороны Красной Армии? Решительный пункт — Варшава — определил бы и судьбы Крыма. И все это рассуждение оказывается совершенно неверным, если условий для сокрушения не было, и решительный пункт являлся призраком. Покончить с Крымом, покончить даже с важнейшими очагами бандитизма и, имея спокойные сообщения, выступить с наступлением крупного европейского масштаба. Стратегия не может рассматривать польскую войну изолированно. В конечном счете Варшавскую операцию выиграл не Пилсудский, а Врангель; возможность Люблинского удара поляков создавалась на почве раздвоения внимания Южного фронта, откуда и преследование последним в Польше скорее местных целей, чем энергичное наступление к Висле. Крым и Варшава были поставлены, как цели операций, в обратном порядке против должного, что привело к неприятным последствиям»⁶³. Б. М. Шапошников также признавал, что врангелевский фронт «был для нас важен и в политическом, и в стратегическом отношении. Нам думается, что его

значение даже превалировало над бело-польским фронтом»⁶⁴. В свою очередь, А. И. Егоров выступал против преувеличенной оценки значения врангелевского фронта, утверждая, что П. Н. Врангель «ничего существенного не оттянул с польского фронта — дальше разговоров и неосуществленных предположений дело не пошло. Значение Южного фронта заключалось в том, что он не позволял перебрасывать частей оттуда на польский фронт. Но это совсем другой вопрос. В провале же Варшавской операции как таковой Врангель непосредственно, конечно, не при чем»⁶⁵. По мнению Егорова, «корни неудачи Варшавской операции лежат исключительно в методах управления Москвы и Минска»⁶⁶. Современная российская историческая наука вновь возвращается к мысли о том, что на ход советско-польской войны «оказал влияние и Врангель», а сам факт наличия Южного фронта порождал «несогласованность в действиях Западного и Юго-Западного фронтов...»⁶⁷

Советские авторы писали о взаимодействии держав Антанты с Польшей, об их страхе перед Красной Армией, наступление которой на Варшаву грозило «всей буржуазной Европе»⁶⁸. По утверждению Сталина, «врангелевский фронт является продолжением польского фронта»⁶⁹, много говорилось о «соглашении» между «панской Польшей» и Врангелем, однако еще в советских работах 1920-х гг. подчеркивалось, что Врангель был «недостаточно уступчив в отношениях с Польшей», в то время как поляки не «очень доверяли заверениям генералов “свободной и демократической” и в то же время “единой и неделимой России”»⁷⁰. По мнению советского автора Н. Ковалева, лишь давление Антанты вынудило Польшу на открытие переговоров с Врангелем, «под угрозой быть раздавленными Красной армией и Революцией»⁷¹. Однако соглашение это «пришло слишком поздно для Врангеля и объединение контрреволюционных сил Врангеля и Польши не произошло»⁷², отчаянные попытки миссии генерала П. С. Махрова ускорить заключение фактического соглашения между Врангелем и Польшей не увенчались успехом. Парадокс, однако, был в том, что, как вспоминал осведомленный дипломат Г. Н. Михайловский, «сочувствие всех членов русской белой миссии в Варшаве [было] на стороне большевиков»⁷³. Вместе с тем и представители военных кругов, и дипломаты отчетливо осознавали: единственный шанс Врангеля на продолжение борьбы с большевизмом заключается в максимальном затягивании срока окончания советско-польской войны, то есть в исповедовании принципа «враг твоего врага есть твой союзник», как бы это цинично ни выглядело по отношению к своей Родине... Дипломатический представитель Врангеля в Варшаве Г. Н. Кутепов, сам разделявший «идеологию национального чувства», спрашивал Михайловского: «Неужели вы думаете, что Врангель удержится после того, как большевики избавятся от поляков?!»⁷⁴ Влиятельный политик правого толка Н. В. Савич, близкий к генералу Врангелю, вспоминал: «Вообще то обстоятельство, что мы вели борьбу с большевиками во время войны с Польшей, вызывало и у нас *известное смущение* (курсив автора. — А. П.). С одной стороны, все радовались, когда мы наносили удар большевикам, с другой — боялись, что победа поляков

не принесет России освобождения, но за нее придется расплачиваться не большевикам, а русскому народу...»⁷⁵

Подписание предварительных условий мира между советской Россией и Польшей сделало все усилия белой дипломатии по заключению договора с Пилсудским тщетными. По утверждению генерала Б. С. Пермикина, командующего 3-й Русской армии, формирующейся в Польше, «последний шанс возможности нашего союза с поляками был пропущен во время наступления большевиков на Варшаву»⁷⁶. Действительно, после победы под Варшавой и крушения большевистских планов по овладению Варшавой, у поляков не было резонов видеть во Врангеле спасителя от уже несуществующей опасности поглощения Польши большевиками. Победа поляков под Варшавой в значительной степени ускорила разгром Врангеля. Когда до чинов Русской армии Врангеля стали доходить слухи о том, что «поляки с большевиками заключили перемирие и начали переговоры о мире в Риге, у всех здравомыслящих мелькнула мысль — конец Крыму», — вспоминал вернувшийся в советскую Россию генерал Ю. Гравицкий⁷⁷. Комментируя поведение поляков, Врангель написал в своих воспоминаниях: «Поляки в своем двуличии остались себе верны»⁷⁸. Белый генерал Б. А. Штейфон, в свою очередь, с горечью написал о несостоявшемся соглашении Врангеля и поляков: «Нетрудно себе представить, что произошло бы, если бы эти внушительные силы продолжали бы свое движение... Впрочем, кто и когда, за редчайшим исключением, ценил русские самопожертвование и героизм?»⁷⁹ Стало ясно, что теперь красные смогут обрушить всю свою мощь на белый Крым, и что надежда остается только на «неприступные» укрепления Перекопа. Разгром Врангеля и великий Русский исход остатков его армии на Чужбину были уже не за горами.

Пытался объяснить поражение своих войск и красный полководец М. Н. Тухачевский. Он не соглашался с утопичностью надежды на революцию в Польше, и объяснял неуспех своего похода только военными соображениями: «Расчет на революцию в Польше, как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии, — имел под собой серьезные основания и если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом... Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк. Конечно, когда война проиграна, очень легко находить политические ошибки, политические промахи. Но только что обрисованная обстановка говорит сама за себя. Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией Западно-Европейской»⁸⁰. Пилсудский, возражая Тухачевскому, говорил: «Оставляя в стороне вопрос о том, что думал г-н Тухачевский о нас, и задерживаясь исключительно на результатах его работы по высшему командованию, можно констатировать, что г-н Тухачевский ошибся, когда полагал, что найдет для себя в Польше во время войны продуктивную помощь. А так

как эта иллюзия, несомненно, влияла на его способ командования и явилась специальным доводом и мотивом, которым он руководствовался, когда принял решение идти “за Вислу”, то на основе беспристрастного анализа нужно признать, что в расчетах и калькуляциях сил своего государства и государства противной стороны он ошибался; ошибка же эта наказала и его и руководимые им войска»⁸¹. Пилсудский, не скрывая своих чувств по отношению к России, писал о том, что «в течение более ста лет, при помощи штыков, некогда низвергших Польшу, ее наделяли благами чуждых ей и поэтому столь часто горячо ненавидимой жизни. И вот, в 1918 году, в начале зимы, Польша начинала весенний период своей свободной жизни после вековой неволи. И хотя весна эта в нашей истории будет считаться кратковременной, хотя цветы, которым она одарила людей, не успели покрыть ярким покровом плесень и испарения вековой неволи, все же эта весна была достаточно сильной, чтобы вооружить подъемом достаточное количество людей, не желающих еще раз испробовать, что означает штык г-на Тухачевского, штык, который нес гибель нашей собственной жизни, давая взамен плохую или хорошую, — это было все равно, — но неволю с ее мучительными пытками. Как Начальник польского государства и главнокомандующий его вооруженными силами, я горжусь до сих пор, что был выразителем тех, кто провозглашал эту весну в Польше и собственной грудью защищал ее проявления. И вот, еще в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе определенную цель войны с Советами. Я решил напрячь все усилия именно к тому, чтобы возможно дальше от мест, где зарождалась и выковывалась эта новая жизнь, пресечь все попытки и покушения еще раз навязать нам чуждую, устроенную не нами самими жизнь. В 1919 году я достиг осуществления этой задачи. Советские попытки были мною отброшены так далеко, что они уже не в состоянии были мутить и препятствовать нашей работе по устройению, будь то хорошей или плохой, — в обсуждение этого я не вхожу, — но **собственной жизни** (выделено автором. — А. П.)»⁸².

Отголоски советско-польской войны давали о себе знать еще долгие десятилетия — тут был и спор о замученных в польском плену советских военнопленных, и вопрос о границах, и многое-многое другое⁸³. Ни Советы, ни Польша не сумели победить в этой войне, заложив, как справедливо пишет петербургский историк С. Н. Полторака, «в почву своих отношений зерна будущей схватки: схватки несоизмеримо более жестокой»⁸⁴. По утверждению Полторака, в «самых итогах этой войны для Польши была заложена основа трагедии 1939–1945 годов»⁸⁵. Указывая на то, что в этой войне не было победителей, Полторака полагает, что «и для Польши, и для Советов эта война была ни что иное, как победоносное поражение!»⁸⁶ И. В. Михутина полагает, что «Ситуация взаимного недоверия, политической подозрительности, психологической неприязни получила трагическое разрешение в прологе Второй мировой войны»⁸⁷. Ведущий же современный специалист по российско-польским взаимоотношениям, Н. И. Бухарин, утверждает, что противоречия, порожденные советско-польской войной, «сыграли роль катализатора Второй мировой войны»⁸⁸.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в 1921 г. предсказать последствия советско-польской войны было крайне трудно. Результаты советско-польской войны и позднейшее заключение Рижского мирного договора 1921 г., как ни странно, устраивали в краткосрочной перспективе все заинтересованные стороны. Во-первых, это устраивало страны Антанты, в первую очередь Францию. Польша стала крупнейшим лимитрофом, созданным на обломках рухнувшей Российской империи, отгородила вместе с Балтийскими государствами и Финляндией «цивилизованный» мир от большевистской угрозы с востока. Польша вместе с этими новообразованиями стала важнейшим звеном в борьбе с советской Россией. Во-вторых, итоги этой войны устраивали и советскую Россию, так как давали ей передышку в вооруженной борьбе с внешними силами «контрреволюции», чтобы перебросить их на подавление «контрреволюции» внутренней⁸⁹. Не секрет, что именно после окончания войны с поляками красные перебросили силы и в кратчайшие сроки разгромили Русскую армию Врангеля, а затем эти же силы были брошены на подавление восстаний на Северном Кавказе, Тамбовщине и Западной Сибири. В случае продолжения войны с поляками при сохранении южнорусской контрреволюции и начавшейся волне повсеместных крестьянских мятежей гражданская война затянулась бы. Красные хотя и не сумели решить все свои задачи в войне внешней, однако победили в войне внутренней. Они должны невольно поблагодарить поляков и лично Ю. Пилсудского за этот «подарок». И наконец, Польша получила больше всего преимуществ от итогов советско-польской войны — юридическое признание со стороны восточного соседа, что на два десятилетия стабилизировало восточные границы польского государства. Польша юридически признавалась со стороны советской России, что было также важно с точки зрения международного престижа, тем более Польша была в статусе победившей державы. Конечно, стабильность была зыбкой именно в советско-польских отношениях, хотя нестабильность именно в начале и первой половине 1920-х гг. была отличительной чертой развития почти всех центральных и восточно-европейских государств. Следует отметить, что польское руководство пошло по пути строительства собственной маленькой империи, повторяя в значительной мере опыт Речи Посполитой до ее краха в конце XVIII в. Поляки вновь стали имперским народом, границы государства в значительной степени повторяли контуры прежнего государства с соответственным составом населения. Отличительной чертой послевоенной Польши было то, что у нее имелись пограничные конфликты со всеми соседними странами. Именно в те годы, фактически в годы русской гражданской войны, завязались узлы конфликтов, взорвавшие ситуацию почти через два десятилетия. Помимо советско-польских противоречий, существовал и германо-польский конфликт по поводу Восточной Пруссии, Данцига (Гданьска) и Силезии, польско-чешские (спор из-за Тешинской области) и польско-литовские (захват поляками Вильно) территориальные споры. Совокупность этих конфликтов и привела к катастрофе Польского государства в 1939 г. Победа в со-

ветско-польской войне в конечном итоге обернулась для польского народа поражением: окрыленная успехом в войне с РСФСР, Польша пыталась и в дальнейшем играть на равных в большой европейской игре, и была уничтожена более сильными хищниками, не рассчитав свои силы и возможности.

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 443.

² Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря // Полн. собр. соч. М., Т. 42. 1962. С. 128–129.

³ Сталин И. В. Новый поход Антанты на Россию // Сочинения. М., Т. IV. 1947. С. 319–322.

⁴ Какурин Н. Борьба Советской России и панской Польши // Военный вестник. 1922. № 7. С. 3.

⁵ Ячинский С. Польско-советская война 1920 года: опыт сравнительного анализа командного состава // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 182.

⁶ Пилсудский Ю. 1920 год. Л., 1926. С. 8.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ Мархлевский Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921. С. 20, 22.

⁹ Радек К. Пусть Польша это знает // Правда. 1920. 25 марта.

¹⁰ Речь тов. Ленина // Правда. 1920. 4 марта.

¹¹ Бухарин Н. Польская провокация // Правда. 1920. 27 апреля.

¹² Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. М., 1923. С. 33–34.

¹³ Радек К. Единство польского и русского рабочего класса // Правда. 1920. 1 мая.

¹⁴ Сокольников Г. Ошибка маршала Пилсудского // Правда. 1920. 4 мая.

¹⁵ Сокольников Г. Новый период в Гражданской войне // Правда. 1920. 8 мая.

¹⁶ Каменев Л. Враг подлый, низкий и жестокий // Правда. 1920. 13 июня.

¹⁷ Зиновьев Г. Польская война на Украине и на Дону // Правда. 1920. 2 июня.

¹⁸ Правда. 1920. 30 мая.

¹⁹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. Мн., 2003. С. 349.

²⁰ Цит. по: Цветков В. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии // Родина. 2011. № 2. С. 106.

²¹ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 444.

²² Жемайтис Ф. Прорыв польского фронта 1-й Конной армией (июнь 1920 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 6. С. 3.

²³ Буденный С. Красная конница на Польском фронте // Красная конница: Сб. статей. М.; Л., 1930. С. 33.

²⁴ Буденный С. М. Сталин и армия. М., 2012. С. 161.

²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 444.

²⁶ Каменев Л. Ллойд-Джордж, Врангель и Пилсудский. М., 1920. С. 15.

²⁷ Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. С. 32.

²⁸ Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 323.

²⁹ The history of Polish diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005. P. 476.

³⁰ Ефимов Б. Е. Десять десятилетий. М., 2000. С. 74.

³¹ Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта. СПб., 2009. С. 235.

- ³² *Сергеев Е. Н.* От Двины к Висле. Смоленск, 1923. С. 100–101.
- ³³ *Ленин В. И.* Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1962. С. 17.
- ³⁴ *Кудряшов С. А.* Письма 1920 года с Польского фронта. Из семейного архива / Подготовка текста, публикация и комментарии В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 11. 2010. С. 131.
- ³⁵ *Мятлев В. П.* После мятежа. Политические памфлеты и стихотворения. 1917–1922 гг. Мюнхен, [Б. г.]. С. 40–41.
- ³⁶ *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 273.
- ³⁷ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 444.
- ³⁸ *Троцкий Л. Д.* Сталин. Т. II. М., 1990. С. 124.
- ³⁹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 166.
- ⁴⁰ См., например, корреспонденции А. Серафимовича: «Белопанская армия», «На панском фронте», «Красная армия» (*Серафимович А. С.* Собр. соч.: В 4 т. Т. III. М., 1980. С. 126–134).
- ⁴¹ *Бедный Д.* Большая штука — наука. Частушки западного фронта // Правда. 1920. 11 июля.
- ⁴² *Бедный Д.* Нашим братьям, польским крестьянам // Правда. 1920. 14 июля.
- ⁴³ *Путна В.* К Висле и обратно. М., 1927. С. 17.
- ⁴⁴ *Кудряшов С. А.* Письма 1920 года с Польского фронта... С. 130. — Писатель А. Рыбаков вспоминал о том, как его отец писал домой с польского фронта: «Домой не ждите, пока не возьмем Варшаву». (*Рыбаков А. Н.* Роман-воспоминание. М., 2005. С. 16).
- ⁴⁵ *Стеклов Ю.* Ловушка // Известия ВЦИК. 1920. 7 августа.
- ⁴⁶ *Шапошников Б.* На Висле. К истории кампании 1920 года. М., 1924. С. 28.
- ⁴⁷ *Путна В.* К Висле и обратно. С. 238.
- ⁴⁸ Там же. С. 238.
- ⁴⁹ *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 288.
- ⁵⁰ *Пилсудский Ю.* 1920 год. С. 12.
- ⁵¹ *Лазари А. де, Рябов О. В.* Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007. С. 29.
- ⁵² Там же. С. 33–34.
- ⁵³ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 2. Тысяча девятьсот двадцатый год. М., 1924. С. 102.
- ⁵⁴ *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. С. 290–291.
- ⁵⁵ Там же. С. 291.
- ⁵⁶ Там же. С. 292.
- ⁵⁷ *Парсаданова В. С.* Юзеф Пилсудский // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 67.
- ⁵⁸ *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. С. 325.
- ⁵⁹ *Гай Г.* На Варшаву. М.; Л., 1928. С. 213–217. — Так Гай писал том, что Шуваев проявил «полное незнание обстановки, бездействие и, наконец, неумелое использование своей конницы», утверждая, что причиной гибели 4-й армии, наступавшей на Варшаву, «являются неумелые действия командарма IV», который «слишком уж поздно спохватился». (См.: *Гай Г.* На Варшаву. С. 213, 217).
- ⁶⁰ Правда. 1920. 15 апреля.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1962. С. 25.
- ⁶² *Свечин А.* Стратегия. М., 1927. С. 261.

- ⁶³ Там же. С. 227–228.
- ⁶⁴ Шапошников Б. М. На Висле... С. 105.
- ⁶⁵ Егоров А. И. Львов-Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л., 1929. С. 178.
- ⁶⁶ Там же. С. 178.
- ⁶⁷ Зубачевский В. А. Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 году // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 51.
- ⁶⁸ Альф И. (Сеймович И.) Антанта и Врангель // Антанта и Врангель: Сб. статей. М.; Пг., 1923. Вып. I. С. 14.
- ⁶⁹ Сталин И. В. О положении на польском фронте // Сочинения. Т. IV. М., 1947. С. 340.
- ⁷⁰ Ковалев Н. Южная контрреволюция — Врангель. (Заметки и материалы к истории). Курск, 1925. С. 31.
- ⁷¹ Там же. С. 31.
- ⁷² Там же. С. 33.
- ⁷³ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. — ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 511.
- ⁷⁴ Там же. С. 512.
- ⁷⁵ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 386.
- ⁷⁶ Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. Записки 1912–1959. М., 2011. С. 86.
- ⁷⁷ Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 г.) // Военная мысль и революция. Кн. 2. 1923. С. 110.
- ⁷⁸ Врангель П. Н. Воспоминания: В 2-х ч. 1916–1920. М., 2006. С. 630. — Подробнее см.: Гришанин П. И., Ермаков В. П. П. Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 116–124.
- ⁷⁹ Штейфон Б. А. Военная деятельность П. Н. Врангеля // Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. Берлин, 1938. С. 206.
- ⁸⁰ Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. М., 1923. С. 29–31.
- ⁸¹ Пилсудский Ю. 1920 год. С. 157.
- ⁸² Там же. С. 152–153.
- ⁸³ Зуев М. Н., Ионов В. В., Симонова Т. М. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. М., 2006. С. 175.
- ⁸⁴ Полторак С. Н. Победоносное поражение. СПб., 1994. С. 219–220.
- ⁸⁵ Там же. С. 217.
- ⁸⁶ Там же. С. 218.
- ⁸⁷ Михутина И. В. Советско-польская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 248–249.
- ⁸⁸ Бухарин Н. И. Российско-польские отношения в XIX — первой половине XX в. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 10.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря... С. 129.

Puchenkov A. S. "To Warsaw!": From the History of Polish-Soviet War of 1920.

ABSTRACT: The article is devoted to the Soviet-Polish War of 1920, its results and to the coverage of this event in the periodicals of that time. Special attention is devoted to the international results of the War.

KEYWORDS: U. Pilsudsky, P. N. Vrangel, V. I. Lenin, Soviet-Polish War.

AUTHOR: Ph.D. in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State Electrotechnical University (Saint-Petersburg); ap80@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Trotsky L. D. Moya zhizn'. M., 2001.*
- ² *Lenin V. I. Doklad Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo komiteta i Soveta Narodnykh komissarov o vneshnej i vnutrennej politike 22 dekabrya // Poln. sobr. soch. Moscow, T. 42. 1962.*
- ³ *Stalin I. V. Novyj pokhod Antanty na Rossiyu // Sochineniya. Moscow, T. IV. 1947.*
- ⁴ *Kakurin N. Bor'ba Sovetskoj Rossii i panskoy Pol'shi // Voennyj vestnik. 1922. № 7.*
- ⁵ *Yachinskij S. Pol'sko-sovetskaya vojna 1920 goda: opyt sravnitel'nogo analiza komandnogo sostava // Padenie imperii, revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Rossii. Moscow, 2010.*
- ⁶ *Pilsudskij Yu. 1920 god. Leningrad, 1926.*
- ⁷ *Markhevskij Yu. Vojna i mir mezhduburzhuznoj Pol'shej i proletarskoj Rossiej. Moscow, 1921.*
- ⁸ *Radek K. Pust' Pol'sha ehto znaet // Pravda. 1920. 25 March*
- ⁹ *Rech' tov. Lenina // Pravda. 1920. 4 March.*
- ¹⁰ *Bukharin N. Pol'skaya provokatsiya // Pravda. 1920. 27 April.*
- ¹¹ *Tukhachevskij M. N. Pokhod za Vislu. Moscow, 1923.*
- ¹² *Radek K. Edinstvo pol'skogo i russkogo rabochego klassa // Pravda. 1920. 1 May.*
- ¹³ *Sokol'nikov G. Oshibka marshala Pilsudskogo // Pravda. 1920. 4 May.*
- ¹⁴ *Sokol'nikov G. Novyj period v Grazhdanskoj vojne // Pravda. 1920. 8 May.*
- ¹⁵ *Kamenev L. Vrag podlyj, nizkij i zhestokij // Pravda. 1920. 13 June.*
- ¹⁶ *Zinoviev G. Pol'skaya vojna na Ukraine i na Donu // Pravda. 1920. 2 June.*
- ¹⁷ *Pravda. 1920. 30 May.*
- ¹⁸ *Brusilov A. A. Moi vospominaniya. Minsk, 2003.*
- ¹⁹ *Tsvetkov V. Kak Vrangel' i Lenin chut' ne ob'yavili vojnu Anglii // Rodina. 2011. № 2.*
- ²⁰ *Zemaitis F. Proryv pol'skogo fronta 1-j Konnoj armiej (iyun' 1920 g.) // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1940. № 6.*
- ²¹ *Budennyj S. Krasnaya konnitsa na Pol'skom fronte // Krasnaya konnitsa: Sb. statej. Moscow; Leningrad, 1930.*
- ²² *Budennyj S. M. Stalin i armiya. Moscow, 2012.*
- ²³ *Kamenev L. Lloyd George, Vrangel' i Pilsudskij. M., 1920.*
- ²⁴ *Chicherin G. V. Vneshnyaya politika Sovetskoj Rossii za dva goda. Moscow, 1920.*
- ²⁵ *Churchill W. Mirovoj krizis. Avtobiografiya. Rechi. Moscow, 2003.*
- ²⁶ *The history of Polish diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005.*
- ²⁷ *Efimov B. E. Desyat' desyatiletij. Moscow, 2000.*
- ²⁸ *Parchevskij T. Zapiski gubernatora Kronshtadta. St. Petersburg, 2009.*
- ²⁹ *Sergeev E. N. Ot Dviny k Visle. Smolensk, 1923.*
- ³⁰ *Lenin V. I. Nashe vneshnee i vnutrennee polozhenie i zadachi partii // Poln. sobr. soch. T. 42. Moscow, 1962.*
- ³¹ *Kudryashov S. A. Pis'ma 1920 goda s Pol'skogo fronta. Iz semejnogo arkhiva / Podgotovka teksta, publikatsiya i kommentarii V. G. Chicheryukina-Mejngardta // Russkoe proshloe: Istoriko-dokumental'nyj al'manakh. Kn. 11. 2010.*
- ³² *Myatlev V. P. Posle myatezha. Politicheskie pamflety i stikhotvoreniya. 1917–1922 gg. Munchen, [no year]*
- ³³ *Bonch-Bruевич V. D. Na boevykh postakh Fevral'skoj i Oktyabr'skoj revolyutsii. Moscow, 1931.*
- ³⁴ *Trotsky L. D. Stalin. T. II. Moscow, 1990.*
- ³⁵ *Serafimovich A. S. Sobr. soch.: V 4 t. T. III. Moscow, 1980.*
- ³⁶ *Bednyj D. Bol'shaya shtuka — nauka. Chastushki zapadnogo fronta // Pravda. 1920. 11 July.*
- ³⁷ *Bednyj D. Nashim brat'yam, pol'skim krest'yanam // Pravda. 1920. 14 July.*
- ³⁸ *Putna V. K Visle i obratno. Moscow, 1927.*
- ³⁹ *Rybakov A. N. Roman-vospominanie. Moscow, 2005.*
- ⁴⁰ *Steklov Yu. Lovushka // Izvestiya VTSIK. 1920. 7 August.*
- ⁴¹ *Shaposhnikov B. Na Visle. K istorii kampanii 1920 goda. Moscow, 1924.*
- ⁴² *Matveev G. F. Pilsudskij. Moscow, 2008.*

- ⁴³ Lazari A. de, Ryabov O. V. Russkie i polyaki glazami drug druga: Satiricheskaya grafika. Ivanovo, 2007.
- ⁴⁴ Trotskij L. D. Kak vooruzhalas' revolyutsiya. T. 2. Kn. 2. Tsyacha devyat'sot dvadtsat' god. Moscow, 1924.
- ⁴⁵ Parsadanova V. S. Yuzeif Pilsudskij // Voprosy istorii. 1996. № 1.
- ⁴⁶ Gaj G. Na Varshavu. Moscow; Leningrad, 1928.
- ⁴⁷ Pravda. 1920. 15 April.
- ⁴⁸ Svechin A. Strategiya. Moscow, 1927.
- ⁴⁹ Egorov A. I. L'vov-Varshava. 1920 god. Vzaimodejstvie frontov. Moscow; Leningrad, 1929.
- ⁵⁰ Zubachevskij V. A. Vzaimootnosheniya Pol'shi, Rossii i Germanii v 1920 godu // Voprosy istorii. 2007. № 4.
- ⁵¹ Alf I. (Sejmovich I.) Antanta i Vragel' // Antanta i Vragel': Sb. statej. Moscow; Petrograd, 1923. Vyp. I.
- ⁵² Stalin I. V. O polozhenii na pol'skom fronte // Sochineniya. T. IV. Moscow, 1947.
- ⁵³ Kovalev N. Yuzhnaya kontrrevolyutsiya — Vragel'. (Zametki i materialy k istorii). Kursk, 1925.
- ⁵⁴ Mikhajlovskij G. N. Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 gg.: V 2 kn. Kn. 2. Oktyabr' 1917 g. — noyabr' 1920 g. Moscow, 1993.
- ⁵⁵ Savich N. V. Vospominaniya. St. Petersburg; Dusseldorf, 1993.
- ⁵⁶ Permikin B. S. General, rozhdennyj vojnoj. Zapiski 1912–1959. Moscow, 2011.
- ⁵⁷ Gravitskij Yu. Belyj Krym (1920 g.) // Voennaya mysl' i revolyutsiya. Kn. 2. 1923.
- ⁵⁸ Vragel P. N. Vospominaniya: V 2-kh ch. 1916–1920. Moscow, 2006.
- ⁵⁹ Grishanin P. I., Ermakov V. P. P. N. Vragel' i Pol'sha: slozhnosti i protivorechiya vzaimootnoshenij // Krym. Vragel'. 1920 god. Moscow, 2006.
- ⁶⁰ Shtejfon B. A. Voennaya deyatel'nost' P. N. Vrangelya // Glavnokomanduyushhij Russkoj armiej general baron P. N. Vragel'. Berlin, 1938.
- ⁶¹ Tukhachevskij M. N. Pokhod za Vislu. Moscow, 1923.
- ⁶² Zuev M. N., Izonov V. V., Simonova T. M. Sovetskaya Rossiya i Pol'sha. 1918–1920 gg. Sovetsko-pol'skoe vooruzhennoe protivostoyanie 1918–1919 gg. Sovetsko-pol'skaya vojna 1920 g. Moscow, 2006.
- ⁶³ Poltorak S. N. Pobedonosnoe porazhenie. St. Petersburg, 1994.
- ⁶⁴ Mikhutina I. V. Sovetsko-pol'skaya vojna 1919–1920 gg. Moscow, 1994.
- ⁶⁵ Bukharin N. I. Rossijsko-pol'skie otnosheniya v KHIKH — pervoj polovine KHIKH v. // Voprosy istorii. 2007. № 7.